

Почему Сун Цзыцзюэ не родился сыном благородной супруги Лян? В детстве он не понимал этой причины и всё ждал, когда отец продолжит свои слова.

Продолжение отец, разумеется, говорить не стал. Тогда Сун Цзыцзюэ даже удивлялся: неужели отец знал, что он спрятался в книжном шкафу, и поэтому специально умолк на полуслове?

Позже он понял: отец и не собирался ничего говорить.

А о том, что он прятался в книжном шкафу, отец, конечно же, знал. С самого детства он не выпускал из рук самые разные книги — будь то Четверокнижие и Пятикнижие или сборники новелл и биографий.

Он прочитывал всё: и те зачитанные до дыр книги, что прятал сам, и те заумные, сложные для его тогдашнего возраста тома, что хранились в отцовском кабинете.

Он часто тайком читал в отцовском кабинете, а порой, когда отец возвращался слишком рано и сбежать уже не удавалось, прятался в книжном шкафу.

Оказывается, отец всё это время обо всём знал! Неужели поэтому в те несколько раз, когда он чётко помнил, будто прятался в отцовском кабинете, проснувшись, он вдруг обнаруживал себя в собственном Сичжайгэ?

Позже...

Цзянь Чжи позволил себе на редкий миг расслабиться и тряхнул головой. Как же в конце концов он помирился с тогда еще не пользовавшимся благосклонностью императора государем?

Кажется, он всё-таки не мог вынести, когда обижали красивые вещи — пусть даже речь шла о красивом человеке, к тому же старшем его на несколько лет.

Тогда у него внезапно возникла мысль: продолжить оберегать этого прекрасного юношу вместо брата Цинсюаня.

Дети легко поддаются порывам, и, подумав так, он именно это и сделал. После этого на протяжении года с лишним они с красивым мальчишкой стали неразлучными друзьями.

Позже седьмому принцу запретили приходить на занятия в семью Цзянь, и тогда, тоскуя по нему, Сун Цзыцзюэ мог лишь умолять отца взять его с собой во дворец, после чего тайком пробирался в Цюсянтан, чтобы повидаться с ним.

А еще позже они постепенно выросли, в их сердцах впервые проснулось чувство любви, и в его душе навсегда запечатлелся дорогой образ, отпустить который он уже не мог. Его взгляд всегда невольно следовал за фигурой седьмого принца, а порой, стоило не видеть его всего несколько дней, и им овладевала тоска, похожая на любовную болезнь.

Седьмой принц рос всё краше, и Цзянь Чжи казалось, что все красавицы Цзиньюэ, сложенные вместе, не стоили и сотой доли его красоты.

Однако он не смел высказывать своих чувств, боясь, что если Сун Цзывэнь догадается о его мыслях, то отдалится от него.

В свои юные годы он думал, что ему достаточно будет просто издалека смотреть на того, кто ему нравится.

В тот год Сун Цзывэню было пятнадцать лет, а Цзянь Чжи — тринадцать.

И именно в тот год восемнадцатилетний Шэнь Цинсюань вернулся в Цзиньюэ после шести лет скитаний и закалки духа.

Узнав эту новость, Цзянь Чжи даже встал пораньше и тайком последовал за Канцлером Шэнем к городской стене, чтобы встретить его.

Брат Цинсюань... Они не виделись целых шесть лет, интересно, помнит ли он его ещё.

Тогда он и помыслить не мог, что в итоге окажется с Шэнь Цинсюанем в таких отношениях.

И не ожидал, что в конце концов Шэнь Цинсюань будет вместе с императором, а он сам так и останется лишним.

Вспомнив обо всём этом, Цзянь Чжи невольно снова покачал головой, пытаясь выкинуть из головы эти неприятные мысли.

Добравшись до ворот дворца, Цзянь Чжи сел в карету своего рода, которая уже давно ждала там, и без промедления отправился прямо в Помесье Цзянь.

Когда его покойный отец еще служил наставником наследника, император пожаловал им усадьбу, расположенную в самом близком к Императорскому дворцу районе — совсем рядом.

Фэншуй там был великолепным, и многие знатные семьи в столице завидовали этой резиденции. Позже, когда отца не стало, император не стал забирать усадьбу обратно.

Поэтому, хотя Цзянь Чжи занимал пост лишь шилана третьего ранга, он жил на той же улице, что и высшие сановники первого ранга нынешнего двора.

Вскоре карета остановилась перед воротами Поместья Цзянь. Стоявшие у входа стражники уже давно поджидали его, и при виде возвращения господина их лица озарились радостью. Цзянь Чжи только вернулся домой, как его тут же попросила зайти главная служанка госпожи Цзянь во внутренние покои поместья Цзянь.

Едва Цзянь Чжи ступил во внутренний двор, как почувствовал волны цветочного аромата и увидел сад, полный цветущего османтуса.

Внутренние покои поместья Цзянь были обустроены лично матерью Цзянь Чжи, госпожой Ван. В девичьи годы она славилась своей красотой и редкими талантами. После замужества за Цзянь Пином она преданно поддерживала мужа, воспитывала детей, и жили они в глубокой любви и согласии.

Семейный завет семьи Цзянь гласил, что у любого из потомков рода за всю жизнь может быть лишь одна жена, а заводить наложниц строго запрещалось.

С какого именно поколения повелось это правило, никто уже не помнил. Однако в родословной семьи Цзянь этот пункт стоял на самом первом месте.

Госпожа Ван родила Цзянь Пину двух сыновей и дочь, а Цзянь Чжи был их старшим сыном. После смерти Цзянь Пина семья держалась исключительно на плечах Цзянь Чжи, и былого величия род, конечно, уже не имел.

Миновав крытую галерею, изящные беседки и искусственные горы, Цзянь Чжи вышел на потаенную тропинку, петлявшую среди зелени, и вскоре добрался до тискового и уединенного дворика.

— Старший молодой господин, госпожа ждет вас внутри, — тихо произнесла главная служанка, а затем с легким поклоном отступила назад.

— Благодарю вас, сестрица Сяо Цуй, — с улыбкой ответил полупшепотом Цзянь Чжи девушке, после чего осторожно толкнул калитку и неторопливо вошел во двор.

Двор был убран чрезвычайно изысканно: у шестиугольной беседки зеленело лишь несколько кустов бамбука. С другой стороны росло дерево османтуса высотой в два-три человеческих роста, ветви которого сейчас были сплошь усыпаны мелкими золотистыми цветочками — неприметными на вид, но источавшими густейший аромат.

Цзянь Чжи направился к беседке и, подойдя ближе, заметил, что на стоявшем там неизменном каменном столе покоятся глиняный чайник и две чашки.

Его мать, госпожа Ван, сидела на одном из каменных стульев, а перед ней стояла чашка, доверху наполненная чаем.

Напротив нее на каменном стуле лежала подстилка цвета лotosового корня с вышитыми водяными ливнями — на ней явно недавно кто-то сидел, оставив вмятину.

В стоявшей перед этим местом чашке на каменном столе плескалось еще больше половины чая.

Очевидно, его мать только что проводила гостя.

Цзянь Чжи вошел в центр беседки и, сложив руки в глубоком поклоне перед женщиной в длинном платье цвета нежной зелени, почтительно произнес:

— Матушка.

Госпожа Ван сидела на каменном стуле прямой, ее нежное лицо лучилось кротостью и безмятежностью. Она прекрасно за собой ухаживала и выглядела скорее старшей сестрой Цзянь Чжи, чем его матерью.

— Пришел? Садись, — госпожа Ван указала на противоположный каменный стул, на котором ничего не было постелено.

Когда Цзянь Чжи сел, госпожа Ван мягко посмотрела на него и спросила:

— Снова ходил во дворец на коленях стоять?

— Матушка уже всё знает? — услышав это, Цзянь Чжи не рассердился, на его лице по-прежнему играла легкая улыбка, однако в мыслях он мысленно перебрал всех обитателей поместья, подозревая каждого.

Впрочем, вряд ли кто-то из них мог проговориться.

— Можешь не гадать, кто мне сказал. С твоим-то характером я и сама могу угадать всё если не наверняка, то с точностью до десятых, — с легкой улыбкой в глазах, в которых мерцали черные нефритовые зрачки, произнесла госпожа Ван, глядя на старшего сына.

— Это из-за строительства Дворца Чжаолань для благородной супруги Лань? — снова спросила она.

— И кто же опять ходил языком трепать перед вами? — хоть лицо Цзянь Чжи и оставалось

приветливым и ни тени раздражения не промелькнуло на нем, голос его невольно стал чуть громче.

— Поднебесная принадлежит императору, к чему тебе тревожиться о его делах? Раз уж он пожелал возвести новые роскошные чертоги для благородной супруги Лань, у него на это наверняка свои соображения.

— Матушка, на реке Хуайхэ свирепствует наводнение, простой народ скитается в нищете и лишен крова — вот что сейчас самое главное для нашего Наньнина! Благородная супруга Лань уже несколько лет во дворце, разве эта стройка не может подождать? К чему такая спешка!

<http://bllate.org/book/21029/2138049>